

Чернобыль: первые часы и дни после аварии

Свидетельство очевидца и ликвидатора

Наш собеседник Дмитрий Демичев – в 1983-1987 годах первый секретарь Хойникского райкома партии, по долгу службы с первых часов катастрофы на ЧАЭС принимал непосредственное активное участие в ликвидации последствий аварии. В декабре 1986 года Дмитрий Михайлович награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Нынче Д.М. Демичев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Белорусского государственного экономического университета. Им впервые в отечественной юридической науке разработана теория государственно-правового механизма преодоления последствий чернобыльской катастрофы.

– Суббота, 26 апреля 1986 года. Солнечный, теплый весенний день. Никто не мог даже предположить, что эта дата станет черной не только в истории страны, но и всего человечества.

Ничто не предвещало трагедии. Жизнь шла своим чередом. Мы, группа депутатов областного Совета, отправляемся в областной центр на сессию. Тогда, по решению Москвы, подобные мероприятия проводились в нерабочее время. На двух машинах едем в Гомель. Сессия прошла в обычном режиме. Ни в докладе, ни в выступлениях нет даже намека на то, что рядом происходит что-то неординарное. В кулуарах тоже самые обыденные разговоры.

Как потом выяснилось, руководство области не владело никакой информацией о трагедии. Удивительно, но факт! Хотя по правилам, установленным инструкциями по гражданской обороне, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, особенно связанных с радиационным загрязнением, граничащие районы области обязаны информировать соседей. В данном случае – полное неведение. Может, потому что Чернобыльская АЭС, как известно, находится на территории Украины.

Вечером возвращаемся домой. Договариваемся завтра встретиться в совхозе «Стреличье».

– Почему именно там и по какому поводу?

– Основные полевые работы уже были завершены. И по плану мы должны были открывать летний спортивный сезон. А в этом хозяйстве неплохой стадион, где можно провести праздник. Каждый трудовой коллектив представляли футбольные команды. Они должны были сыграть «пулюку» – два тайма по 15 минут на выбывание. Потом – финал. Было шумно, весело, болельщики рьяно поддерживали своих ребят. Погода тоже способствовала праздничному настроению.

В разгар баталий меня и председателя райисполкома А.И. Обухова отзывает секретарь райкома партии по идеологии В.В. Пинчук. Тихо сообщает: в Припяти что-то непонятное. Его мать заведовала магазином хозяйваров, и по выходным продавцы часто выезжали торговать к соседям. Но на сей раз их в город не пустили. По улицам же, говорит, вереницей тянулись пожарные машины, беспрерывно поливая асфальт какой-то пеной.

– Это неспроста, – заключил Александр Иванович. – На АЭС произошло что-то серьезное.

Тут же решаем: А.И. Обухов выезжает в припятьскую зону района, я – в райком выяснить обстановку в верхах.

– Выяснили? – Где там! Дежурный обкома ответил, что никакой информацией не располагает. Попросил доложить о моем звонке первому секретарю А.С. Камаю. Заскочил домой перекусить, поделился новостями с женой Людмилой Егоровной. Она в первой школе города Хойники преподавала физику и темой владела лучше меня. «Дима, – говорит, – это очень серьезно, возможно, придется вывозить людей». Мне уже было не до борща. С нетерпением жду А.И. Обухова. Вскоре он явился, что называется, взмыленным. Без слов было понятно – беда.

Видел, говорит, летающие над станцией вертолеты. Припять спешно покидают люди. В наши деревни вывезено немало детей. Дело в том, что многие уроженцы Хойникского района работали на ЧАЭС, получили в городе квартиры, обзавелись семьями. До станции ведь рукой подать – от райцентра 47 километров, от ближайшего колхоза – 5-7. И вот теперь они вынуждены спасаться, в первую

очередь спасти своих детей.

Тревога нарастала, а мы – в полном неведении. Надо что-то делать, действовать, а что и как – понятия не имеем. Бессилие на грани нервного срыва. Но берем себя в руки, организуем круглосуточное дежурство в штабе гражданской обороны. По радио, по телевидению по-прежнему ни звука. Как потом выяснилось, зарубежные голоса уже вовсю трубили о случившемся. Наша же горбачевская гласность как воды в рот набрала.

– Пошли третьи сутки катастрофы...

Май 1986 года. Партхозактив Хойникского района. Никто из этих людей до конца еще не осознает, какие страшные беды принесла на их землю чернобыльская катастрофа (Д.М. Демичев в центре с букетом)

– Уже третьи. Ночью почти не сомкнул глаз. Еле дождался рассвета. Звоню первому секретарю обкома Камаю, эмоции захлестывают: что происходит, почему молчание, что делать?.. «Ты меня спрашиваешь, – отвечает Алексей Степанович, – а я знаю ровно столько, сколько и ты. Не кипятись, возьми специалистов, проедь сам по припятьской зоне. Потом доложишь».

Не мешкая, зову начальника штаба ГО А.И. Каюду, заместителя главного санитарного врача района М.А. Соловьева, военкома Ф.С. Омельчука. По дороге молчим, хотя мысли каждого об одном. Приблизились к административной границе с Украиной. День ясный, солнечный, станция как на ладони. Развороченный взрывом блок. Над ним непрерывно кружат вертолеты, сбрасывая какие-то емкости с материалом, похожим на песок. Понятно: произошло самое страшное.

– Колени не задрожали? – Колени колениками, но мысли носились роем: как быть, как людей уберечь? Сами были одеты по-летнему, налегке. Понятия не имели о специальной защите. Делаем замер прибором ДП-5, он тогда считался самым надежным. Мои спутники, более осведомленные в этом деле, покачали головами, глаза на выкате: 0,5 рентгена в час. Руками делаем в песке углубление сантиметров на 20 – то же самое.

Возвращаемся в контору ближайшего колхоза «1 Мая». Каждый из специалистов звонит в Гомель своему начальству, докладывает показания дозиметров. В ответ – они у вас, по всей видимости, барахлят. Из Минска к вам едет группа дозиметристов с более современными, точными приборами.

– Прибыли? – Прибыли. С теми же ДП-5. Тот же результат. Иным он и быть не мог.

С того дня в наш лексикон надолго вошли термины – дозиметр, милли- и микрорентген, радиация, радионуклиды, цезий, стронций, плутоний, йод...

И только вечером 28 апреля московская телевизионная программа «Время» скупо сообщила, что произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции, принимаются все необходимые меры по ее ликвидации. Ситуация находитс под контролем. Утренние газеты слово в слово опубликовали это сообщение.

Японцы, которые оказались в похожей ситуации со своей АЭС после землетрясения и цунами, с наметком называют положение непредсказуемым.

– После этого официоза посыпались, наверное, рекомендации, установки, указания, как действовать в архисложной и действительно непредсказуемой ситуации?

– Не поверите – ничего подобного. Обстановка же требовала предпринимать какие-то шаги. И они были сделаны. 28 апреля в близлежащих к Чернобылю колхозах «Новая жизнь» и «1 Мая» были прекращены полевые работы, скот

жах. Беда объединила всех. Все помнили: в одиночку не спасешься.

Слухи? Их хватало, думаю, от недостатка объективной информации. Коснулись они и меня лично. При встрече с начальником районного отдела внутренних дел подполковником милиции Л.М. Жевняком заметил не свойственную ему смущенность. Спрашиваю – что-то случилось? Вдруг он отвечает: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Заметив мое недоумение, улыбнулся: «Звонил дежурный из МВД, интересовался обстановкой, а заодно – правда ли, что первый секретарь райкома партии с семьей бежали на машине из Хойник. Я ему в ответ – пару ласковых... Сказал, что не тот это человек, чтобы паниковать и драться...»

Вслушав Л.М. Жевняка, в тон ему, хотя было не до юмора, ответил на манер Л.И. Брежнева: «Выражаю чувство глубокой благодарности партии и правитель-

– На эту тему было немало спекуляций. Желаящие нажать политический капитал не гнушались подтасовкой, искажением фактов, бессовестным враньем, убеждали, что эвакуировали в первую очередь скот, материальные ценности, а не людей...

– Талдычили некоторые самозванные политики и иже с ними до бесстыдства, даже толком не зная, где эти три несчастных района расположены. Интересно, как они представляют себе коров да свиней в пассажирских автобусах? Решением правительственной комиссии СССР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Гомельскому облисполкому было предписано 3 мая в 18 часов эвакуировать людей из 50 населенных пунктов трех пострадавших районов, расположенных в 30-километровой зоне, а также имущество и скот. На областном оперативном совещании в Хойниках в ночь с 3 на 4 мая были определены все необходимые мероп-

Май 1986 года. Партхозактив Хойникского района. Никто из этих людей до конца еще не осознает, какие страшные беды принесла на их землю чернобыльская катастрофа (Д.М. Демичев в центре с букетом)

ству за столь высокую оценку моей личности».

Это уже потом, после отселения из 30-километровой зоны, нагрянули сюда всякие божки да прочие опустившиеся личности, не гнушались мародерством, подлостью.

– Когда все-таки последовала команда на эвакуацию? Время в принципе уже было упущено, и каждый день, час промедления грозил необратимыми последствиями...

– Да, обстановка накалялась в прямом и переносном смысле. Нервное и физическое напряжение людей зашкаливало пропорционально радиационному. Не получая никакой мало-мальски достоверной информации, мы не могли даже на нашем довольно ограниченном уровне принять решительные, кардинальные меры. Это угнетало невероятно. И вот чуть ли не через неделю после взрыва, 1 Мая, около полудня наконец-то последовала команда об эвакуации из 30-километровой зоны детей, беременных женщин и больных. Колонны автобусов нашей автобазы, все время бывшие наготове, сразу же направились на места.

Вдруг мне докладывают: внезапно один из водителей скончался. Вот уж действительно беда не приходит одна. Естественно, этот случай связали с воздействием радиации. Позже медики установили, что гибель еще относительно молодого человека, гипертоника, произошла из-за сердечного приступа. Конечно, без стресса здесь не обошлось.

Через час-полтора автобусы отправлялись в назначенные пункты дислокации: дома отдыха, гостиницы, санатории, профилактории, пионерские лагеря. Все эвакуированные были обеспечены полноценным питанием, одеждой, обувью за счет бюджета.

Позже из официальных материалов я узнал, что из Брагинского, Хойникского, Наровлянского районов были вывезены около 28 тысяч школьников, беременных женщин и женщин с малолетними детьми.

Практически весь этот тревожный май А.А. Граховский был с нами, работал, что называется, дено и ночью, не спал себя. Спал по 2-3 часа в сутки. Такое нечеловеческое напряжение не могло не сказаться на его здоровье. И у него случился гипертонический криз. Но он отказался даже от госпитализации. Не потому ли Александр Адамович так рано ушел из жизни.

5 мая к 15 часам эвакуация из зоны в Хойникском районе завершилась. Было вывезено 12,6 тысячи человек, 51 тысяча голов скота. – Кто же из вышестоящего руководства страны и республики бывал в районе, какую помощь оказывал? Были ведь и гастролеры, показушники?

– Постоянно бывали в трех пострадавших районах первый секретарь обкома КПБ А.С. Ка-

12 или 13 мая приехал первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н.Н. Слюньков. Конечно, я волновался перед встречей с ним. Но и надеялся на положительное решение проблем, которые нам были попросту не по силам. В частности, надо было строить быстро – до зимы – жилье для переселенцев, создавать инфраструктуру, рабочие места... Каждый день в принципе возникали вопросы, с которыми никогда ранее не приходилось сталкиваться. В итоге наши ожидания оправдались.

Я встретил Н.Н. Слюнькова и приехавшего с ним А.С. Камая на границе с Калининским районом около 10 часов утра. Вместе мы побывали в 30-километровой зоне, затем в совхозе «Судково», где Николай Никитович и Алексей Степанович встретились с переселенцами. Вопросы у людей, конечно, было множество, но главным оставался один: когда разрешат вернуться в родные места? Никто не предполагал, что это уже никогда не случится...

Во второй половине дня мы поехали на обед. Почему заостряю внимание на этом малозначительном факте? Чтобы внести некоторую ясность в те домислы, которые беспардонно распространялись и в средствах массовой информации, и в обыденных досужих сплетнях. Мол, Слюньков привозил с собой поваров, чистые продукты и т.п. Блэф, конечно.

Как сейчас помню, обед был самый обычный, приготовленный поварями из обычных продуктов. Только на первое Николай Никитович попросил молочный суп.

После трапезы он связался по ВЧ с секретарем ЦК КПСС Е.К. Лигачевым. Мы с Камаем вышли из кабинета. Потом из реплик Слюнькова понял, что для него стало неожиданностью принятие Москвой решения о начале строительства проволочного заграждения по периметру 30-километровой зоны.

Гастролеры? Были и такие. Боялись из машины выйти, командировочные удостоверения отменяли, выражали сочувствие и побыстрее удалялись. Что ж, бог им судья. В подавляющем большинстве кадры всех уровней честно и добросовестно выполняли свой долг. Иначе последствия крупнейшей в мире техногенной аварии были бы еще страшнее.

– Дмитрий Михайлович, трудно, несомненно, выделить вам из череды тех черных дней и ночей самые быющие по нервам, что, казалось, все, конец!...

– Пожалуй, пик напряжения (а какие дни тогда можно было назвать обыденными!) достиг 5-6 мая 1986 года.

Метростроевцы уже прорыли подход к кипящему реактору, температура в котором под две тысячи градусов, начали подавать жидкий азот. Мы еще, конечно, в неведении. Председатель Совета министров БССР М.В. Ковалев проводит у нас оперативку, намеряем меры на самый крайний вариант – водородный взрыв. Вдруг резко распахивается дверь, в просе-ней комнаты, где установлен телефон ВЧ:

– Михаил Васильевич, вас срочно к телефону!

Гнетущая тишина. Руководитель правительства чуть побледнел, но твердым шагом направился к проводу. Ждем самого худшего. Всегда невозмутимо спокойный председатель райисполкома Александр Иванович Обухов и в этот момент не выдал волнения. Только карандаш в побелевших пальцах, казалось, вот-вот хрустнет. Напряжение достигло предела. Молчим, ждем. Бесконечные минут десять кажутся вечностью. Появляется Михаил Васильевич. Не сводим с него вопрошающих глаз. Он чуть помедлил, устало провел рукой по лицу. Оно как будто просветлело, и он хрипловатым голосом объявил:

– Взрыва не будет! Поздравляю, – и грузно опустился в кресло. – Поздравляю, говорю! Если пододит оно к нашей ситуации.

Вот тогда дошел до нас, оцепе-

невших, весь смысл его долгожданной информации.

Была середина дня 6 мая.

– Хотя у вас было немало прикомандированных, которые, несомненно, оказали большую помощь в налаживании жизни уже в новых, доселе неведомых экстремальных условиях, но все же основная тяжесть и груз ответственности лежали на плечах местных руководителей и трудовых коллективов...

– Конечно, нам был бы не под силу тот огромный объем самых разнообразных работ, которые пришлось немедленно выполнять. Только с мая и до конца года было пробурено 87 артезианских скважин, проложено 225 километров водопроводных сетей, очищены и благоустроены 4 тысячи колодцев. Это позволило удовлетворить потребности населения в чистой питьевой воде, обеспечить бесперебойную работу бань, прачечных, предприятий общественного питания и химчистки, а также хозяйственные нужды и дезактивацию. Это самая маленькая толика сделанного.

Нам же поступило указание, говорят, что прямо от Е.К. Лигачева, не снижать объемов производства. Доили молоко, которое зашкаливало, сливали в канавы. Мисо радиоактивное увозили куда-то на Север, в Сибирь... Вроде для утилизации и проведения научных экспериментов.

Надо сказать, что наше население было полностью обеспечено чистыми продуктами. Но случилось, и своих не гнушались. Зеззажо как-то домой на обед, Матушка, а она все время жила со мной, ставит на стол тарелку с крупниками, зрелыми ягодами клубники. Говорю, нельзя, медики предупреждали ничего с огорода не употреблять. Она в ответ: «Митя, она же такая сочная, красивая, посмотри, вкусная. Ем – и ничего: ни запаха дурного, ни печет, ни жжет». Многие так и определяли загрязненность на зубок: не жжет, не печет, не кусается... Ну что тут сказать, первый шок прошел, вроде ничего. Я сам не удержался и бросил тройку ягод в рот.

Захожу в контору совхоза. В бухгалтерии на столе чаша со сливами. Напоминаю: нельзя, заражено. В ответ: товарищ секретарь, не бойтесь, утойайтесь, чистая слива. Проверили дозиметром, говорят – у дерева с одной стороны плоды «грязные», с другой – совершенно съедобные.

Подобных парадоксов хватало. Но главное было – сохранить здоровье людей. Никакие хозяйственные проблемы нельзя было решать с угрозой для жизни. Это хорошо понимали мои коллеги – секретари райкома партии Н.Н. Дрозд, В.В. Пинчук, председатель райисполкома А.И. Обухов, руководители хозяйств, районных служб и организаций и делали все возможное, чтобы минимизировать последствия страшной катастрофы.

– С точки зренияного, какие следует извлечь уроки из случившегося?

– Если кратко, главное – необходимость достоверной, объективной информации. Именно полное отсутствие ее в первые дни после аварии негативно влияло на морально-психологическую обстановку. Не позволяло принять исчерпывающие меры по защите людей и имущества от радиоактивности, порождало множество слухов и домыслов. Их подогревали зарубежные радиостанции, трубившие о «тысячах погибших в Чернобыле». Экстремальная ситуация высветила проблему овладения руководящими кадрами механизмом социальной регуляции жизнедеятельности человека. Нужно было доводить до сознания людей важность работ, связанных с необходимостью эвакуации, расселения и оздоровления населения, проведения комплекса мер по дезактивации загрязненных территорий, овладевать буквально на ходу специальными знаниями по вопросам радиации, радиофизики, радиобиологии и т.д. В определенной степени, хоть и с опозданием, нам это удалось, что и позволило избежать глобальной катастрофы.

Николай ШЛОМА